

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

XVII $\frac{45}{10}$

Годъ изданія третій

СЕНТЯБРЬ

№ 22.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ОСЕННИЕ МОТИВЫ.

ЧУДО.

БѢЛАЯ РОЗА.

ЛѢТОМЪ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У НЯНИ.

РЕБУСЪ, ГОЛОВОЛОМКИ

И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка панталонъ.

Городокъ для склеиванія.

№ 22. Сентябрь, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Спасеніе погибающаго.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ.

I.

— Слышишь вѣтра завыванье
За твоимъ окномъ?
Бурной осени дыханье
Чувствуется въ немъ.

Надъ землей нависли тучи,
Сѣетъ дождь съ утра,
Желтыхъ листьевъ всюду кучи...
Грустная пора!

II.

Темнѣе стала зелень сосенъ
На фонѣ блѣкнущихъ вѣтвей...
Прошло уже лѣто... Вотъ и осень
На смѣну свѣтлыхъ лѣтнихъ дней!

Свершивъ свой лѣтній путь, природа
Уже готовится ко сну,
Чтобъ съ новой силой чрезъ полгода
Вновь встрѣтить юную весну.

III.

Осень уже краски кладетъ на лѣса,
Издали видно осину пурпурную...
Тучки застлали собой небеса.
Зимушку, зимушку ждатель теперь бурную!

Н. Блудоровъ.

Ч У Д О.

Лиза и Боря бѣгали по парку, рвали
цвѣты и искали грибы, когда Лиза
вдругъ остановилась и неожиданно
задала брату вопросъ:

— Ты не знаешь, Боря, что та-
кое чудо?

Мальчикъ гордо поднялъ свою тем-
ную головку и съ увѣренностью отвѣ-
тилъ:

— Ну, конечно, знаю! Я уже больш-
шой!

— Тогда скажи мнѣ!

— Чудо—это... это когда что-ни-
будь случится и не знаешь, какъ оно
произошло.

Лиза, красивенькая дѣвочка лѣтъ
шести, задумчиво посмотрѣла на своего
восьмилѣтняго брата. Отвѣтъ Бори
показался ей не совсѣмъ понятнымъ.
Они побѣгали еще немного, а затѣмъ
Лиза снова задала Борѣ вопросъ:

— А трудно, Боря, творить чудеса?
Боря нахмурился и неторопливо
отвѣтилъ:

— Не знаю!

Лиза вздохнула.

— А мнѣ такъ-бы хотѣлось сотворить какое-нибудь чудо!.. сказала она.

— Такъ давай попробуемъ! съ готовностью отвѣтилъ братъ.

— Но какъ?

— Спросимъ маму!

И дѣти со всѣхъ ногъ побѣжали въ домъ. Они обошли въ немъ всѣ комнаты, но нигдѣ мамы не оказалось: она уѣхала не надолго въ соседнюю усадьбу поздравить кого-то съ ангеломъ.

— Давай спросимъ у Акулины? предложилъ Боря.—Она сейчасъ на заднемъ дворѣ... Слышишь сзываетъ куръ и цыплятъ? Цыпъ-цыпъ-цыпъ...

Они отправились на задній дворъ. На встрѣчу имъ попалась старушка-кухарка Акулина, лѣтъ двадцать уже служившая въ усадьбѣ и любившая дѣтей, какъ своихъ родныхъ. При встрѣчѣ съ ними она сразу какъ-то вся расцвѣтала, щеки ея краснѣли, на глазахъ у нея появлялась влага, она ласково улыбалась и говорила:

— Ангелочки мои! Милые мои! Только-бы вамъ крылышки, такъ-бы вы и улетѣли къ Боженькѣ на небо!

Лиза и Боря бросились къ ней и чуть не сбили ее съ ногъ.

— Акулина! Акулина! Подожди, остановись!..

Она остановилась и съ удивленіемъ поглядѣла на дѣтей.

— Что такое? спросила она. — Сливочекъ захотѣли, что-ли?..

Дѣти переглянулись между собою, не зная, съ чего начать и какъ поставить ей свой вопросъ. Наконецъ Лиза освоилась, опустила глазки и спросила:

— Ты не знаешь, Акулина, трудно творить чудеса?

— Чудеса? въ удивленіи воскликнула Акулина.—А кто-же ихъ знаетъ! Должно быть трудно! Было-бы легко, такъ всѣ бы творили!

На глазахъ у Лизы навернулись слезы.

— А ты сама не умѣешь ихъ творить? спросилъ кухарку Боря.

— Я?! снова удивилась Акулина.— Да что вы, дѣтки?! Развѣ я святая! Это только Боженька и Его святые угодники творятъ чудеса, а я что за святая?

— А ангелы? продолжала Лиза.— Ты не знаешь? Ангелы творятъ чудеса?

Акулина засмѣялась и погладила ихъ по головкамъ.

— Творятъ, творятъ... отвѣтила она, чтобы только успокоить ихъ.— Подите-ка лучше играть... День ясный, да теплый, бѣгайте себѣ на здоровье! А о такихъ премудростяхъ и не думайте вовсе! Рано вамъ еще...

Боря задумчиво взялъ Лизу за руку и повелъ ее въ паркъ.

— Какая жалость вздохнула дѣвочка.—А я такъ-бы хотѣла сотворить чудо!

— Мы его сотворимъ!.. съ таинственнымъ видомъ отвѣтилъ ей Боря.

Лиза вдругъ остановилась и широко открыла свои голубые глаза.

— Но вѣдь Акулина сейчасъ только говорила, сказала она, — что это очень трудно и что даже она этого не умѣетъ! А вѣдь она какая мастерица! Посмотри, какіе она печетъ вкусные пирожки и какое у нея выходитъ всегда мороженое!..

— Это все не чудеса! махнулъ рукой Боря. — Печь, жарить и варить, дѣло не хитрое. Обо всемъ этомъ у нея написано въ поваренной книгѣ... Здѣсь что-то другое!

— Что-же другое-то?

Боря остановился.

— Слышала, какъ она говорила, что и ангелы могутъ творить чудеса? спросилъ онъ. — Она не ангель, потому и не можетъ.

— Ты думаешь?

— Ну, конечно!

— Да, да... продолжала задумчиво и Лиза. — Она сказала: «Боженька, Его святые угодники и... ангелы»...

— Ну, вотъ видишь!

— Какая жалость, что мы не святые и не ангелы!

— Какъ не ангелы? удивился Боря.

Лиза съ удивленіемъ посмотрѣла на брата.

— Если-бы мы не были ангелами, отвѣтилъ онъ, — то наша мама не называла-бы насъ такъ. Вспомни-ка: сколько разъ она намъ говорила: — «Ахъ, вы, мои ангелочки!» Кромѣ того мы еще младенцы... А ты знаешь, что такое «младенецъ»?

— Нѣтъ.

— Это ангель безъ крылышекъ.

— Это вѣрно, согласилась и Лиза.

— Конечно, вѣрно! воскликнулъ Боря. — Развѣ мама можетъ когда-нибудь говорить неправду? Да и Акулина сейчасъ говорила, что если-бы намъ крылышки, то и мы-бы улетѣли къ Боженькѣ на небо!

Лиза подумала.

— Въ такомъ случаѣ мы съ тобой тоже можемъ сотворить чудо? спросила она.

— Да, отвѣтилъ убѣжденно Боря. — Только о томъ, что мы сдѣлаемъ, не нужно болтать, иначе это уже не будетъ чудо.

— Почему?

— Не знаю! Не надо только болтать, вотъ и все!

Дѣвочка удовлетворилась этимъ отвѣтомъ и снова задала вопросъ:—

— А ты можешь что-нибудь придумать?

Боря почесалъ себя за ухомъ.

— Надо попробовать! отвѣтилъ онъ.

И въ своихъ дѣтскихъ мечтахъ, взявшись за руки, они долго и медленно бродили по тѣнистымъ аллеямъ парка, стараясь придумать какое-нибудь чудо. Надъ ними склонялись пышныя, зеленыя вѣтви, птицы радостно распѣвали надъ ихъ головами свои чудныя пѣсни, имъ улыбались цвѣты и солнце посылало имъ иногда свой ласковый лучъ сквозь густую листву деревьевъ, а они шли рядкомъ, прижавшись другъ къ другу, думали, и едва замѣчали всю эту кра-

соту, все то Божье чудо, которое окружало ихъ со всѣхъ сторонъ и было у нихъ прямо передъ глазами.

Какъ вдругъ Боря остановился.

— Нашелъ! радостно воскликнулъ онъ. — Придумалъ! Не знаю почему, но во всѣхъ исторiяхъ, которыя рассказывала и читала намъ мама, чудо всегда дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Сегодня приходилъ къ мамѣ нашъ садовникъ Максимъ и сказалъ ей, что у тетки Пелагеи заболѣлъ ея Ванюшка и что имъ нечего ѣсть. Постараемся имъ чего-нибудь отнести!

— Хорошо, разочарованно отвѣтила Лиза. — Но только будетъ-ли это чудо?..

— Конечно! съ увѣренностью воскликнулъ Боря. — Нужно только сдѣлать такъ, чтобы ни сама Пелагея, ни ея сынъ не узнали никогда, что именно мы принесли имъ поѣсть. Главное, чтобы они не узнали, что это сдѣлали мы... Мы принесемъ, положимъ имъ ѣду на столъ и, не замѣченные, уйдемъ потихоньку обратно. Они увидятъ ѣду, не поймутъ, откуда она у нихъ взялась, — вотъ тебѣ и чудо!

Лиза радостно захлопала въ ладоши.

— Какой ты умный! воскликнула она. — Я бы никогда такъ хорошо не придумала!

Боря съ гордостью посмотрѣлъ на нее сверху внизъ.

— Да, но для того, чтобы наше чудо вышло настоящимъ, сказалъ онъ, — надо отнести Ванюшкѣ всего какъ можно больше. Чудо тѣмъ и замѣчательно, что на человѣка всегда

сваливается цѣлая гора счастья. Пойдемъ же поскорѣе въ кухню!

Они побѣжали къ дому и черезъ весь домъ прошли на цыпочкахъ такъ, что ихъ никто не замѣтилъ. Побывавъ въ столовой и не найдя въ ней ничего подходящаго, они вошли въ кухню. И здѣсь тоже не было ничего. Пылалъ огонь въ плитѣ, кипѣла кастрюля съ супомъ и тутъ-же лежали на столѣ только-что сдѣланные, еще сырые, пирожки.

Окинувъ взоромъ кухню, Лиза тотчасъ-же замѣтила на краю плиты, на противнѣ, цѣлую баранью ногу, уже изжарившуюся и готовую къ подачѣ на столъ.

— Возьмемъ ее! шепнула она Борѣ.

Боря приподнялъ баранину за косточку и стрясъ съ нея струями сбѣжавшій жиръ. Взявъ затѣмъ лежавшій на скамейкѣ листъ сахарной бумаги, на которомъ только недавно кололи сахаръ, онъ завернулъ въ него жаркое и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать съ нимъ въ паркъ. Еле поспѣвая, за нимъ бѣжала его маленькая сестра и ея волосы въ безпорядкѣ развѣвались по сторонамъ. Отбѣжавъ подальше отъ дома, они остановились. Боря раздвинулъ кустъ орѣшника, и выбравъ въ его вѣтвяхъ мѣсто погуще, сунулъ туда жаркое.

— Видишь? обратился онъ къ сестрѣ. — Это не такъ трудно, какъ ты предполагала. Только надо вернуться назадъ, захватить съ собою еще какъ можно больше и хлѣба и отправляться въ путь. Поспѣшимъ же!

— Куда?

— Въ кухню!

— А если насъ увидитъ Акулина?

— Тамъ ужъ посмотримъ!

Съ бьющимся сердцемъ Лиза послѣдовала за братомъ. Они такъ-же, какъ и въ первый разъ, на цыпочкахъ, прошли черезъ весь домъ и вошли снова въ кухню. И на этотъ разъ въ ней не оказалось никого. Дѣти подошли къ шкафу, достали изъ него цѣлый непечатый хлѣбъ, приготовленный къ обѣду, и стоявшую съ чѣмъ-то въ углу бутылку и такъ-же тихонько выбрались изъ кухни.

— Тссс!... говорилъ Боря. — Теперь у насъ для Пелагеи и Ванюшки будетъ полный обѣдъ. Не только жареное мясо и хлѣбъ, но даже еще и вино. Бутылка еще и не раскупорена.

— А что въ ней такое? робко спросила его Лиза.

Боря прочиталъ ярлычекъ.

— Нашатырный спиртъ! сказалъ онъ. — Мама говорила, что въ каждомъ винѣ, даже въ самомъ сладкомъ, есть спиртъ. Должно быть, это такое вино, которое пьютъ только большіе.

Они возвратились къ тому мѣсту, гдѣ спрятали въ кустѣ жаркое, взяли его и отправились въ путь.

— Въ этомъ и все чудо? со страхомъ спросила Лиза, которой хотѣлось чего-то таинственнаго и невѣроятнаго.

— Какая ты глупая, отвѣтилъ ей

братъ. — Это только еще начало. Теперь все это надо отнести къ Пелагеѣ такъ, чтобы никто не увидалъ. Воображаю, какъ будетъ довольна она и ея больной Ванька! Какая жалость, что нельзя будетъ посмотрѣть, какъ они встрѣтятъ наше чудо! Неси хлѣбъ ты, а я поташу баранину и нашатырный спиртъ.

Изба Пелагеи находилась недалеко, почти у самыхъ заднихъ воротъ, выходившихъ изъ парка. Тамъ начиналась деревня и желанная изба стояла на самомъ краю, нѣсколько поодаль отъ деревни. Дѣти бывали въ ней не разъ и раньше. Когда они подошли къ ней теперь, то дверь въ нее оказалась затворенной. Они хотѣли-было отворить ее, но Боря раздумалъ.

— Подожди, сказалъ онъ. — Надо прежде тихонько посмотрѣть въ окно, нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь изъ большихъ?

Онъ взобрался на заваленку, приложилъ ладони къ вискамъ и заглянулъ въ окно.

— Никого! радостно воскликнулъ онъ. — Только одинъ Ванюшка и лежитъ! Но онъ спитъ и не услышитъ ничего. Поспѣшимъ скорѣе!

Они отворили дверь и тихонько, на цыпочкахъ, вошли въ избу. Въ ней дѣйствительно не было никого. Только одинъ больной мальчикъ лежалъ на неопрятной кровати и спалъ. Онъ былъ блѣденъ и вѣроятно видѣлъ какой-нибудь сонъ, потому что улыбался. Легкій скрипъ двери на поло-

вину разбудилъ его, но не совсѣмъ. Онъ приподнялъ голову и, все еще продолжая видѣть свой сонъ, смотрѣлъ на дѣтей полуоткрытыми глазами и безсвязно бормоталъ:

— Рай.. Ангелы... Въ раю...

— Слышишь? толкнулъ сестру Боря. Ему кажется, что мы съ тобой ангелы! Онъ ихъ видитъ во снѣ!

Ванюшка откинулъ голову на подушку и снова крѣпко заснулъ. Дѣти подошли къ столу. На немъ лежала корка чернаго хлѣба и кусочекъ огрызаннаго сахару, на которомъ сидѣло множество мухъ, такъ что онъ походилъ на мышъ. Они посмотрѣли на эту корку и кусочекъ сахару и имъ стало жаль больного.

— Бѣдный! прошептала Лиза.—Какой черный хлѣбъ онъ долженъ ѣсть!

Убѣдившись, что Ванюшка снова заснулъ, и боясь, какъ бы не вернулась Пелагея и не застала ихъ на мѣстѣ преступленія, дѣти положили мясо, хлѣбъ и бутылку на столъ, тихонько вышли изъ избы и со всѣхъ ногъ бросились обратно въ паркъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ легко творить чудеса! сказалъ Боря, едва переводя отъ волненія духъ.

— Но вѣдь это только потому, наивно отвѣтила ему сестра,—что мы младенцы, то-есть ангелы безъ крыльшекъ!

Когда они подходили къ дому, то имъ попалась на встрѣчу горничная Дуняша.

— Мама пріѣхала изъ гостей, сказала она.—Она спрашивала о васъ.

Боря и Лиза опрометью бросились къ матери.

— Здравствуйте, мои ангелочки! обратилась къ нимъ мать.—Ну, какъ вы себя вели?

— Мы все бѣгали по парку!.. отвѣтили Боря и Лиза разомъ.

— Все время? удивилась мама.— Съ самаго утра?

— Нѣтъ... робко отвѣтила Лиза.— Мы кое-что дѣлали еще...

Боря нахмурилъ брови и строго посмотрѣлъ на сестру.

— Что-же вы дѣлали? продолжала мама.

Лиза и Боря смутились и не знали, какъ имъ быть и что имъ отвѣчать. Но въ это время въ гостиную впопыхахъ вбѣжала кухарка Акулина и съ растеряннымъ видомъ, сама не своя, еле имѣла силъ произнести!

— Барыня!.. Барыня!.. Никогда еще этого у насъ не бывало!.. Двадцать два года служу у васъ, а никогда еще того не бывало, чтобы жулики прямо съ плиты кушанья воровали!

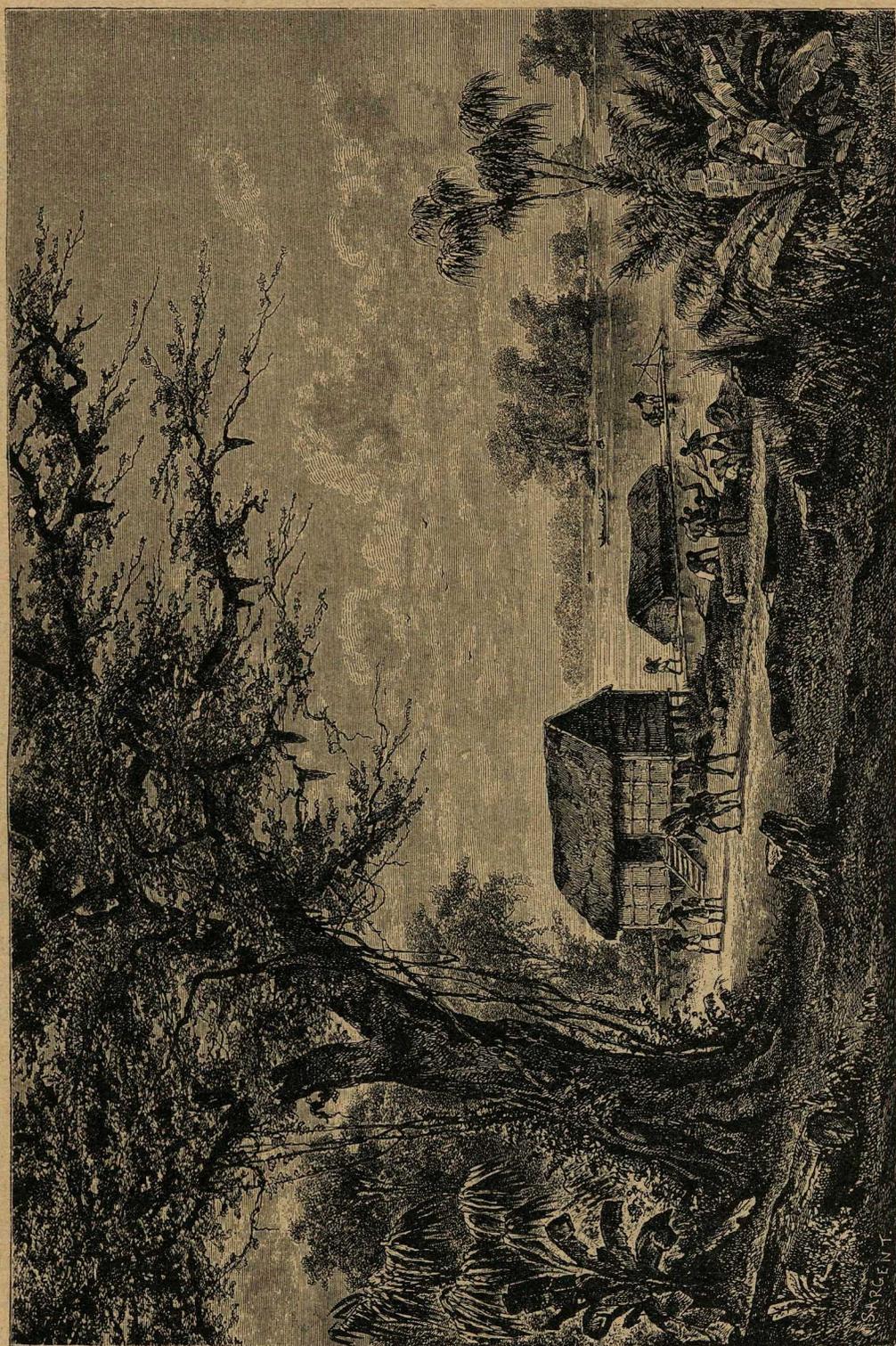
— Воровали?.. испугалась мама.— Что ты говоришь? Опомнись!

— Вѣрно, барыня! заплакала Акулина и утерла грязнымъ фартукомъ глаза. Прихожу изъ погреба въ кухню, глядь—а баранины-то на плитѣ и нѣту! Ахъ, я горькая, злощадная, что-же мнѣ дѣлать, какъ мнѣ теперь быть?.. Заглянула въ шкафъ, а тамъ и хлѣба нѣту. Украла, окаянные, и хлѣбъ!

Она еще пуце залилась слезами

Дай мнѣ его подержать.

На островъ Борнео.

и, плача и причитая, опустилась на стулъ.

Лиза и Боря переглянулись, густо покраснѣли и тоже вдругъ оба разомъ, точно по командѣ, залились слезами. Затѣмъ они бросились къ матери на шею и тѣсно прижались къ ея лицу щеками.

— Что съ вами, дѣти? удивилась она.—Вы-то о чемъ плачете?

Акулина отняла съ глазъ фар-тукъ и многозначительно поглядѣла на дѣтей.

— Да, это бываетъ, не вы стащили у меня баранину? спросила она ихъ.

Лиза зарыдала еще громче и упала своей курчавой головкой къ матери на плечо.

— Что съ тобой, моя крошка? удивилась мать.

— Мамочка, милая... залепетала Лиза.—Не обижайся на насъ... Это мы хотѣли... Мы... мы... мы...

Ничего не понимая, мать вопросительно поглядѣла на Борю. Онъ усердно теръ себѣ кулаками глаза, чтобы какъ-нибудь скрыть свои слезы и не дать мамѣ и Акулинѣ понять, что и онъ тоже горько плачетъ.

— Ахъ, голубчики мои, воскликнула Акулина.—Это вы надо мною, родные, подшутили! Ну, слава Богу, что это вы, а не мазурики! А я такъ было испугалась! Куда-же вы спрятали баранину?

Боря стоялъ, потупивъ глаза.

— Мама! воскликнула наконецъ

Лиза, едва подавляя въ себѣ рыданія.—Мы вовсе ее не прятали! Мы ее взяли, но только для того, чтобы... чтобы сотворить чудо!

И, будучи не въ силахъ скрывать что-нибудь отъ матери, она рассказала, какъ вмѣстѣ съ Борей они стащили съ плиты цѣлую баранью ногу, и взяли изъ шкафа хлѣбъ. Акулина слушала ее и въ ужасѣ всплескивала руками.

— И что-же вы сдѣлали съ ними? спросила Борю мама.

— Мы отнесли ихъ къ Пелагеѣ въ избу, такъ, чтобы никто объ этомъ не узналъ. Мы хотѣли, чтобы у насъ вышло изъ этого чудо.

— И вы только это и снесли туда?

— Нѣтъ! отвѣтилъ конфузливо Боря.—Мы понесли туда еще и бутылку вина.

— Бутылку вина?! воскликнула Акулина и привскочила на стулъ.—Да у насъ во всемъ домѣ нѣтъ ни одной его капли! Кто у насъ тутъ пьетъ? Все дѣти да бабы—некому и пить!

Мама сдѣлала серьезное лицо.

— Значитъ, вы бѣгали на деревню въ казенку? спросила она.

— Нѣтъ, мамочка, искренно отвѣтилъ Боря.—Мы нашли вино въ кухнѣ.

— Въ кухнѣ?! воскликнула Акулина.—Да что ты, мой миленькій, образумься! У меня тамъ его сроду и не бывало!

— Мы взяли его въ углу; оно стояло тамъ на полу... Я не помню,

какъ оно называлось... Кажется «нашатыр... нашатырный спиртъ!»

— Но вѣдь это не вино, а ядъ! воскликнула мама.—Мы его держали для стирки бѣлья! Если Пелагея и ея Ванюшка по глупости хлебнутъ его, то они отправятся на тотъ свѣтъ! Онъ обожжетъ имъ губы и ротъ! Акулина, бѣги скорѣе къ Пелагеѣ, оставь у нея баранину и хлѣбъ и возьми назадъ нашатырный спиртъ!

— Какъ? удивилась Акулина.—Оставить имъ баранину и хлѣбъ?

— Да, отвѣтила мама.—Это первое доброе дѣло моихъ дѣтей и я не хочу его нарушить.

Кухарка вышла изъ комнаты, а мама поглядѣла на своихъ чудотворцевъ и громко и весело размѣялась.

— Ахъ, вы глупенькіе! сказала она.—Развѣ можно устраивать такія исторіи? Вотъ и сидите теперь безъ обѣда!

Лиза подняла на нее свои голубые глаза.

— Значить, чуда больше нѣтъ? спросила она съ сожалѣніемъ.

— Конечно, нѣтъ! отвѣтилъ разочарованно Боря. Какое-же это чудо, если о немъ знаетъ теперь уже весь свѣтъ?

Мать притянула ихъ обоихъ къ себѣ.

— Нѣтъ, дорогіе мои, ласково сказала она имъ,—на чудо вы оба неспособны.

Дѣти съ удивленіемъ посмотрѣли на нее.

— Но, мамочка, отвѣтилъ Боря.—

Вѣдь это было бы настоящимъ чудомъ, если-бы о баранинѣ никто не узналъ!

— Нѣтъ, разочаровала его мать.— Это не было-бы чудомъ.

— Вѣдь если-бы Пелагея и ея Ванюшка не узнали, откуда появилась у нихъ баранина, хлѣбъ и... и нашатырный спиртъ, продолжалъ Боря,— то развѣ-бы это не было для нихъ чудомъ?

Мать еще ближе притянула ихъ обоихъ къ себѣ.

— Дорогіе мои, сказала она имъ,— чудо можетъ сотворить только одинъ Господь и черезъ Него Его святыя и угодники. И Онъ совершаетъ его вокругъ насъ каждую минуту, каждый мигъ. Развѣ не чудо то, что послѣ зимы всегда бываетъ весна, развѣ не чудо то, что—птицы на зиму улетаютъ и прилетаютъ весной и что пчела находитъ дорогу къ себѣ обратно въ улей? Взгляните вокругъ себя. Развѣ мы не находимся сейчасъ среди чудесъ. Всѣ эти птички, всѣ эти цвѣты, эти козявки, мушки, паучки—развѣ все это не чудеса? Да, великій Господь щедрою рукою разсѣиваетъ вокругъ насъ свои чудеса, но мы такъ привыкли къ нимъ, такъ огрубѣли душой, что не хотимъ или не можемъ ихъ замѣчать.

Дѣти задумчиво опустили головки.

— А развѣ не чудо эти твои волосы? продолжала мать.—Развѣ не чудо этотъ твой глазъ? Какой знаменитый мастеръ можетъ сдѣлать такой хитрый аппаратъ, какъ глазъ,

или соткать такую нѣжную сѣточку, какую ткётъ для себя паукъ? Нѣтъ, дѣти мои, чудо то, что земля двигается само собою въ пространствѣ, вокругъ солнца, не поддерживаемая никѣмъ, чудо и то, что поетъ сейчасъ соловей и пріятно пахнетъ сейчасъ сирень...

— Значить, люди вовсе не способны на чудеса? задалъ Боря вопросъ.

— Нѣтъ, способны, отвѣтила мать.— Но ихъ чудеса совсѣмъ не такія, какъ ты предполагалъ.

— А какія-же?

Мама взяла дѣтей за руки и повела ихъ въ дѣтскую.

— Возьмите сейчасъ всѣ ваши игрушки, сказала она,— всѣ до одной, и отнесите ихъ къ больному Ванюшкѣ!

— И мою большую куклу? спросила въ удивленіи Лиза.

— Да.

— И мой локомотивъ съ вагонами? И кинематографъ? спросилъ Боря.

— Да.

Лиза и Боря переглянулись между собою и покраснѣли.

— Намъ жалко... сказали они.

Мама поглядѣла на нихъ и покачала головой.

— Вамъ жаль, сказала она. Я это знала! Вы унесли цѣлый окорокъ баранины и цѣлый хлѣбъ—и вамъ было не жаль ихъ, потому что они были не ваши. А теперь, когда вамъ нужно отказаться отъ *своего*, разстаться со *своимъ*, что вы любите и къ чему привыкли, вы стоите въ нерѣшительности и не знаете, что вамъ дѣлать.

Она взяла Лизу за подбородокъ и ласково заглянула ей въ глаза.

— Самое великое чудо, сказала она,— на которое только способенъ человѣкъ,—это умѣть безропотно и охотно отказаться отъ *своего* и отдать его другимъ. Но нѣтъ бѣльшаго чуда, какъ пожертвовать своею жизнью для другихъ!

Она вышла изъ комнаты, а дѣти еще долго стояли среди нея и молчали и съ тоскою глядѣли на свои игрушки, разстаться съ которыми у нихъ такъ и не хватило силъ.

по Noella («Un miracle»).

Легко совершаются дурныя дѣла,— дѣла, несущія намъ самимъ несчастья; то же, что благотворно и хорошо для насъ, дѣлается только съ трудомъ и неохотой.

(Буддѣйская мудрость).

Если съ людьми злыми и безчеловѣчными будешь не кротокъ, а жестокъ и безчеловѣченъ, то берегись, какъ бы не сдѣлаться такимъ же, какъ они.

(Маркъ Аврелій).

ВЪ ГОСТЯХЪ У НЯНИ.

Письма Сони.

(Окончаніе).

V.

Милая, дорогая мамочка. Я не писала тебѣ такъ долго потому, что было невозможно. Я надолго уходила изъ-дому и негдѣ было взять по дорогѣ бумаги и чернилъ. Да, я не уѣзжала изъ дому, а уходила, своими собственными ногами, такъ далеко, что ты даже испугаешься и, пожалуй, придешь въ ужасъ.

Но читай далѣе.

Въ пятницу на прошлой недѣлѣ, когда я и Катя ныряли въ перинѣ, укладываясь спать, къ намъ вошла няня и сказала:

— Ну, дѣвочки, спите покрѣпче. Завтра надо будетъ рано вставать!

— Зачѣмъ? удивились мы.

— Мы всѣ пойдемъ пѣшкомъ въ монастырь на богомолье, отвѣтила она и вышла.

Мы захлопали отъ радости въ ладоши и еще долго не могли уснуть, разговаривая о предстоящемъ путешествіи.

Утромъ насъ рано разбудили. Когда мы одѣлись и вышли на дворъ, то солнце еще только что всходило и съ пискомъ летали ласточки и стрижи взадъ и впередъ. Въ людской топилась печь, шелъ изъ трубы сѣрый дымъ и пахло жженой соломой. У

крыльца стояла простая мужицкая телѣга и около нея суетился Лука, укладывая въ нее самоваръ, котелокъ, подушки, мѣшочекъ съ овсомъ и разные узлы, узелки и узелочки, въ которые были завязаны пирожки, булочки и разныя вкусныя вещи. Тутъ-же стоялъ и Бориска въ большомъ картузѣ, который налѣзалъ ему прямо на носъ и на самыя уши.

— Ты тоже отправляешься съ нами спросили мы его.

— Тоже... отвѣтилъ онъ.

Вышла Параша, повязанная бѣлымъ платочкомъ, а за нею вышла и няня. Обѣ онѣ держали въ рукахъ по дорожной палкѣ.

— Ну, съ Богомъ! сказала няня.— Трогай, Лука!

Лука дернулъ за вожжи и телѣга выѣхала со двора. Онъ шелъ рядомъ съ ней. Няня, Параша, я, Катя и Бориска пошли впереди. Сзади насъ у воротъ стояла старушка Аксиньяшка, мать Парашини, на которую няня оставляла все свое хозяйство.

— Съ Богомъ! говорила она.— Помогай вамъ Господь! Счастливаго вамъ пути!

И мы отправились въ дорогу. Мы шли и разговаривали между собой,

а няня и Параша плелись сзади насъ и упирались на свои палочки. Передъ нами потянулись поля, лѣса и кусты, колосистая рожь волновалась передъ нами точно море и кругомъ кричали птицы и стучали перепела. По мѣрѣ того, какъ мы шли, солнце поднималось все выше и выше, роса обсохла и начинало становиться жарко. Около насъ шлепаль прямо по пыли своими босыми ногами Бориска и намъ было завидно, что онъ шелъ босякомъ.

— Бабушка, обратилась къ нянѣ Катя. — Позволь и намъ съ Соней идти босякомъ!

Няня нагнулась, пощупала рукой траву и сказала:

— Что-же, идите! Роса уже высохла! Вамъ легче будетъ!

Мы присѣли у дороги, сняли башмаки, отдали ихъ Лукѣ въ телѣгу и побѣжали голыми ногами.

Ахъ, мама, ты не можешь себѣ представить, какое удовольствіе ходить босякомъ! Я шла по дорогѣ, то прямо по пыли, по самой настоящей пыли, то по бархатной травкѣ, то по тропинкѣ, котораа тянулась сбоку дороги, и мнѣ было странно, что мнѣ этого не запрещаетъ никто и что меня за это не накажутъ. И въ избыткѣ радости я побѣжала къ нянѣ, обняла ее и стала цѣловать.

— Ходи, ходи босячкомъ! сказала мнѣ она. — Такъ-то здоровѣе будетъ! Здѣсь не городъ!

Мы стали съ Катей разговаривать о городѣ и ей и Борискѣ, сроду не бывавшимъ въ Москвѣ, было дико,

что у насъ никто не ходитъ босякомъ и что быть босымъ считается даже почему-то неприличнымъ.

Мы шли, не отдыхая, цѣлые два часа. Ты слышишь, мама? Цѣлые два часа! Когда это случалось со мною въ городѣ, чтобы я могла пройти такъ долго не отдыхая? А здѣсь прошла. И ты знаешь, мамочка, почему? Потому, что была на чистомъ воздухѣ и шла безъ башмаковъ!

Пройдя такъ много, мы остановились у рѣки. Лука распрягъ лошадь и пустилъ ее пастись по лугу. Затѣмъ онъ пошелъ къ рѣкѣ, зачерпнулъ изъ нея въ котелокъ воды, устроилъ таганъ и сказалъ намъ:

— Барышни, Бориска! Наберите вонъ въ томъ лѣску сучьевъ. Надо сварить обѣдъ!

Мы пошли въ лѣсъ, набрали сучьевъ и у Луки скоро уже запылалъ костеръ и на немъ закипѣлъ котелокъ. Мы нашли въ лѣсу много грибовъ, Параша почистила ихъ и бросила въ котелокъ. Туда-же няня всыпала желтаго пшена, положила масла и картошки и супъ вышелъ на славу.

Передъ обѣдомъ Катя сказала:

— Давайте купаться!

— Давайте! отвѣтила няня.

Мы всѣ пошли къ рѣкѣ, выбрали мѣстечко, гдѣ виднѣлось чистое, песчаное дно, по которому млавали рыбки, раздѣлись и стали купаться. Ахъ, мамочка, если-бы ты только знала, какъ пріятно плавать и плескаться въ милой, уютной, неизвѣстной рѣчкѣ,

которую Богъ создалъ для людей и которая еще не загрязнена отбросами, какъ бѣдная, печальная рѣчка, протекающая у васъ въ городѣ! Свѣтило солнце, надъ самой водою летали синія стрекозы, на томъ берегу паслось стадо, далеко во ржи кричали перепела, надъ головою, гдѣ такъ широко и такъ воздушно, пѣлъ жаворонокъ, а мы плавали, плескались и намъ послѣ долгой ходьбы не хотѣлось вылѣзть на берегъ.

Выкупавшись, мы стали обѣдать. Пирожки, крутые яйца, пышечки и ватрушки показались намъ такими вкусными, какихъ мы, кажется, не ѣли никогда. Сваренный Парашей супъ въ котелкѣ былъ болѣе похожъ на кашу, чѣмъ на супъ, но онъ намъ показался свареннымъ самымъ лучшимъ поваромъ. Мы ѣли всѣ вмѣстѣ изъ одного котла, сѣвши вокругъ него кольцомъ, и намъ и въ голову не приходило, что мы по происхожденію и положенію неравны, няня — хозяйка, я — барышня, Катя — дочь священника, какой-то неизвѣстный Бориска, прислуга — Параша и работникъ — Лука.

Мы всѣ сидѣли плечо-о-плечо и всѣ были равны. Солнце свѣтило одинаково для всѣхъ, рѣчка одинаково принимала всѣхъ въ свои струи и одинаково всѣмъ утоляла жажду и мнѣ казалось, что Бориска мнѣ братъ, Катя — сестра, а Параша и Лука — родные.

Послѣ обѣда няня, Параша и Лука подлѣзли подъ телѣгу въ тѣнь, няня

закрыла себѣ платкомъ отъ мухъ лицо и всѣ они заснули. Я и Катя стали собирать цвѣты, а Бориска вырѣзалъ изъ чего-то дудку и сталъ на ней играть.

Вдругъ Бориска бросилъ свою дудку, сдѣлалъ какое-то странное лицо и всѣмъ своимъ тѣломъ упалъ на траву и хлопнулъ картузомъ о землю.

— Поймалъ! радостно воскликнулъ онъ.

— Кого? спросили мы.

— Онъ осторожно заглянулъ подъ картузъ и вынулъ оттуда большого кузнечика.

— Кузнецъ! обрадовался онъ.

— Отпусти его! обратилась я къ нему.

— Сейчасъ... отвѣтилъ онъ.—Его только надо накормить...

Онъ поймалъ муху и поднесъ ее къ кузнечикѣ. Кузнечикъ спокойно откусилъ у мухи животъ и съѣлъ его. Бориска выпустилъ муху и она улетѣла безъ живота.

— Какъ-же она теперь будетъ жить? удивилась я.

— У нея выростетъ новый животъ... отвѣтилъ Бориска и сталъ тянуть кузнечика за ногу.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Зачѣмъ тянешь?

— Я хочу посмотреть, будетъ ему больно, или нѣтъ?

Я запретила ему это дѣлать, онъ выпустилъ кузнечика на волю и тотъ сразу-же прыгнулъ въ траву и сталъ въ ней стрекотать.

Летали бабочки, мы бѣгали за ни-

Гроза въ лѣсу.

ми, рѣзвились и совсѣмъ позабыли, что прошли пѣшкомъ цѣлыхъ десять верстъ и что намъ предстоялъ еще долгій путь впереди.

Черезъ часъ большіе проснулись и мы отправились дальше. Я совсѣмъ не чувствовала усталости. Мы, дѣти, попрежнему шли впереди, за нами плелись съ палочками няня и Па-

и она приказала намъ остановиться и сдѣлать привалъ. Въ прохладѣ, мы разостлали прямо на землѣ коверъ и сѣли. Уфъ! Наконецъ-то! Ноги у меня гудѣли, мнѣ хотѣлось потянуться, размять свои члены и я легла на спину, заложила подъ голову руки и стала смотрѣть на небо. Оно висѣло надо мной, какъ голу-

На нихъ были капоры и передники и Сонѣ казалось, что всѣ онѣ были на одно лицо.

раша, а позади всѣхъ ѣхала телѣга и около нея важно шествовалъ Лука.

Мы шли ещѣ цѣлые два часа и намъ, дѣтямъ, ужасно захотѣлось пить. Солнце было еще высоко, но усталость уже давала себя чувствовать и хотѣлось присѣсть. Няня замѣтила это, мы въ это время проходили черезъ старый сосновый лѣсъ,

бая чаша, и, казалось, не было конца его ясной, лазурной глубинѣ.

Лука досталъ изъ телѣги самоваръ, налилъ въ него изъ студенаго источника воды и вмѣсто углей всыпалъ въ него сосновыхъ шишекъ. Онѣ запылали и скоро по лѣсу потянулся сизый дымокъ и запахло смолкой.

Напившись чаю, мы легли отды-

хать. Милая мамочка! Я заснула и спала, какъ убитая. Это былъ первый мой сонъ подъ открытымъ небомъ, я въ первый разъ въ жизни спала въ дремучемъ лѣсу и не боялась въ немъ никого и ничего! Воображаю, какъ ты теперь боишься за меня и думаешь, что я простудилась или что мнѣ въ ухо влѣзъ муравей или укусила меня змѣя. Не бойся! Ничего этого нѣтъ.

Когда мы проснулись, то солнце было уже низко. Бориска еще спалъ на спинѣ и по его лицу ползали муравьи и вокругъ губъ и ноздрей у него суетились мухи. Одна изъ нихъ попала ему въ ротъ, онъ проснулся, вскочивъ проглотилъ ее.

— Бориска, что ты дѣлаешь? воскликнула я. — Вѣдь тебя отъ мухи вырветъ! Онъ утерся рукавомъ, надѣлъ на себя картузь и отвѣтилъ:

— Ничего... Она кисленькая!

Затѣмъ мы снова отправились въ путь. Мы долго шли лѣсомъ и когда, наконецъ, выбрались изъ него, то нашимъ глазамъ представилась удивительная картина: за полями и низами разстилалось на горизонтѣ широкое голубое озеро и среди него, на островѣ, блестя своими главами и крестами, возвышался монастырь. Увидѣвъ его, мы всѣ стали креститься. По озеру тамъ и сямъ бѣлѣлись паруса и прохладный вѣтерокъ дулъ намъ прямо въ лицо.

— Какъ хорошо! воскликнули мы. — Какъ здѣсь просторно!

Между тѣмъ солнце уже садилось.

Намъ нужно было поспѣть ко всенощной и мы стали торопиться. Когда мы подходили уже къ озеру, то съ монастырской колокольни раздался благовѣстъ и широко разлился во всѣ стороны надъ поверхностью озера. У берега насъ поджидалъ паромъ. Мы вошли на него. Лука ввелъ на него телѣгу съ лошадыю, мужики потянули за канатъ и паромъ медленно сталъ отчаливать отъ берега и поплылъ по озеру. Съ нами плыло еще нѣсколько богомолокъ съ загорѣвшими, усталыми лицами: онѣ спрашивали насъ, откуда мы, а мы спросили у нихъ, откуда онѣ,—и мы скоро познакомились.

— Ну, дѣтки, мойте теперь ноги и надѣвайте башмаки! обратилась къ намъ няня, когда мы были уже на островѣ, у монастыря.

Я посмотрѣла на нее съ удивленіемъ: развѣ можно опускать ноги въ холодную воду? Но она повторила свое приказаніе, я и Катя спустили ноги прямо съ берега внизъ въ воду, обмыли ихъ, вытерли, натянули на нихъ чулки, надѣли башмачки и пошли въ церковь.

— Теперь у меня будетъ насморкъ! сказала я Катѣ. — Мнѣ въ городѣ никогда не позволяютъ мочить ноги въ холодной водѣ.

— Не будетъ! отвѣтила Катя. — У насъ не городъ.

И, дѣйствительно, насморка у меня такъ и не было совсѣмъ!

Мы вошли въ соборъ и простояли всю всенощную отъ начала до кон-

ца. Пѣли монахини и мнѣ казалось, что я была въ раю. Пахло ладономъ, заходившее солнце золотило иконостасъ и отражалось на вѣнчикахъ святыхъ, и въ соборѣ было такъ тихо, такъ хорошо, что не хотѣлось уходить.

Послѣ всенощной мы пришли въ номеръ монастырской гостиницы и, усталые и разморенные, легли спать. Я не помню, была-ли постель мягка или жестка, было-ли холодно или душно спать, потому что мы съ Катей, какъ пришли изъ церкви, такъ и упали въ постель и заснули крѣпкимъ сномъ.

Когда я проснулась, то было раннее утро. Звонили къ обѣднѣ и няня и Параша собирались въ церковь. Мнѣ еще хотѣлось спать, я укрылась съ головой и снова заснула. У моихъ ногъ лежало что-то теплое и мягкое. Это, свернувшись калачикомъ, спалъ вмѣстѣ съ нами Бориска. Онъ спалъ прямо въ одеждѣ, безъ подушки, подложивъ подъ щеку ладонь, и, казалось, видѣлъ сладкіе сны.

Я проснулась во второй разъ отъ того, что кто-то тормозилъ меня, толкалъ меня въ бокъ и тянулъ за ногу. Это была Катя. Она уже встала и была одѣта.

— Вставай, засоня! говорила она.

Я сладко потянулась, протерла глаза и стала одѣваться. Бориски уже не было. Свѣтило радостное солнце и въ окно виднѣлись золотыя главы монастыря. Полился за-

тѣмъ бархатный звонъ большого колокола и изъ собора повалилъ народъ. Вошла маленькая монашенка, лѣтъ одиннадцати, поклонилась намъ въ поясъ и спросила, не нуженъ-ли намъ самоваръ? Въ ту-же минуту возвратились отъ обѣдни и няня съ Парашей. Пришелъ Бориска съ мокрой головой,—онъ ходилъ купаться,—и мы усѣлись за чай. Няня дала намъ по большой просфорѣ и мы съ аппетитомъ ихъ съѣли.

Ахъ, мамочка, если-бы ты знала, какія были вкусныя просфоры и съ какимъ аппетитомъ я пила чай!

— Ну, что? обратилась ко мнѣ няня.—Болятъ ноги?

Я потопталась на мѣстѣ, чтобы узнать, болятъ онѣ, или нѣтъ? Но онѣ вовсе не болѣли и я могла-бы еще разъ пройти столько-же, сколько и вчера.

— Ну, ты у меня молодецъ! похвалила меня няня.—Твоя мама, пожалуйста, и не повѣритъ, что ты прошла пѣшкомъ цѣлые двадцать восемь верстъ.

Двадцать-восемь верстъ! Неужели я ихъ дѣйствительно прошла? Я не вѣрила своимъ ушамъ и то, что было вчера, казалось мнѣ далекимъ несбыточнымъ сномъ.

Послѣ чаю мы отправились къ поздней обѣднѣ, простояли ее всю и затѣмъ, прямо изъ церкви, пошли гулять. За монастыремъ тянулись обширные луга, на которыхъ пестрѣли цвѣты и вдаль, у самага озера, стоялъ домикъ. Это—пріютъ

Въ немъ живутъ безродныя дѣвочки, которыхъ содержатъ и воспитываютъ монахини и приучаютъ ихъ къ разному ремеслу. Всѣ онѣ подобраны въ большихъ городахъ прямо на улицахъ и привезены сюда. Когда мы шли черезъ лугъ, то онѣ собирали на немъ цвѣты. На нихъ были капоры и передники и мнѣ казалось, что всѣ онѣ были на одно лицо.

Она сама была похожа на куклолку.

— Здравствуйте, дѣвочки! обратилась къ нимъ няня.

Онѣ подняли головки, улыбнулись, подбѣжали къ намъ и протянули къ намъ свои цвѣты.

— Возьмите цвѣточковъ! сказали онѣ.

Мы взяли по букетику и отправились дальше.

— Вотъ погляди-ка на этихъ дѣвочекъ, Соня! обратилась ко мнѣ няня. — Бѣгаютъ себѣ по лугу и рвутъ цвѣты. Щечки у нихъ розо-

вые, глазки веселые, а какъ посмотришь въ городѣ на бѣдныхъ приютскихъ дѣтей, такъ просто сердце на части разрывается: жалкія, истощенныя, блѣдныя, худыя... Не смотрѣлъ-бы...

Одна изъ дѣвочекъ катала на колясочкѣ куклу и такъ была занята этимъ, что даже и не обратила на насъ никакого вниманія. Она сама была похожа на куклолку и мы всѣ бросились къ ней и стали ее цѣловать. Она смотрѣла на насъ своими черненькими, какъ вишни, глазами и улыбалась.

— Дѣвочка, ты чья? обратилась къ ней Параша.

Она засмѣялась, обнаживъ два ряда бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ и сказала:—Своя!

— Поѣдемъ со мной въ Москву! обратилась я къ ней.

Она отрицательно замотала головой и отвѣтила:—Нѣтъ!

Мы долго еще смотрѣли на нее, какъ она управлялась со своей куклой, и затѣмъ пошли далѣе. Когда мы вернулись обратно въ монастырь, то наша лошадь была уже запряжена и Лука ходилъ вокругъ нея и отгонялъ отъ нея мухъ. Мы пообедали, взяли наши узелки и поплелись въ обратный путь.

И снова потянулись мимо насъ поля, луга и лѣса, мы снова спали подъ открытымъ небомъ и снова варили себѣ обѣдъ въ котелкѣ. А когда мы возвратились къ себѣ домой, то было уже поздній вечеръ. Аксинь-

юшка приготовила намъ ужинъ, мы сидѣли на террасѣ и пили чай при свѣчѣ и вокругъ насъ летали ночныя бабочки, гудѣли жуки и пахло такъ сладко цвѣтами, что каждую минуту хотѣлось глубоко дышать.

Ноги у меня гудѣли. Я чувствовала, что больше уже у меня не хватало силъ идти, и рада была, что наконецъ-то добралась до хутора няни. Но за всю дорогу я ни разу не присѣла на телѣгу, все пространство прошла сама и теперь съ гордостью могу сказать, что я научилась ходить пѣшкомъ.

Я прошла пятьдесятъ-шесть верстъ! А если-бы ты знала, мамочка, какъ я потомъ крѣпко спала, и если-бы видѣла, какъ я сильно загорѣла! Но ты сидишь у себя въ городѣ и вѣроятно ужасаешься, что я мою ноги прямо въ озерѣ, что я хожу босикомъ по пятидесяти верстѣ и не надѣваю на лицо вуали.

Успокойся, дорогая! Я отъ этого чувствую себя только здоровѣе и одна мысль о томъ, что мнѣ скоро нужно возвращаться въ городъ, заставляетъ меня плакать и скучать.

Мамочка, милая, дорогая, хорошая, золотая! Оставь меня въ деревнѣ навсегда, или переѣзжай сюда съ Нюрой, Сережей и папой сама. Ну, зачѣмъ намъ оставаться въ городѣ? Тамъ мостовыя вмѣсто травы, дома вмѣсто горъ и холмовъ, чалые бульвары вмѣсто лѣсовъ и неприятное сырое мясо въ мясныхъ лавкахъ вмѣсто довѣрчивыхъ, добродушныхъ коровъ и телятъ. Когда я вернусь къ тебѣ, то ты поведешь меня въ театръ или кинематографъ, но никто не научить меня ходить пѣшкомъ или совершать восхитительныя путешествія въ монастырь!

До свиданія, дорогая. Это уже послѣднее мое письмо къ тебѣ и мнѣ грустно, что я уже не буду писать тебѣ такихъ длинныхъ писемъ о милой, дорогой, очаровательной деревнѣ.

Кланяйся папѣ, Нюрѣ и Сережѣ и скажи имъ, что я часто вижу ихъ во снѣ.

Твоя Соня.

М. Б—скій.

Говори о томъ только, что для тебя ясно, какъ утро, иначе молчи.

(Талмудъ).

Не будь ни съ кѣмъ грубъ и суровъ, ибо легко и другой можетъ обра-

титься къ тебѣ съ тѣмъ же; ярость ведетъ за собою страданіе, на ударъ отвѣчаютъ ударомъ.

(Буддйская мудрость).

ЛѢТОМЪ.

(Изъ воспоминаній о лѣтѣ).

Солнце яркими лучами
Золотитъ лазурь небесъ
Мы зелеными полями
Поспѣшимъ въ тѣнистый лѣсъ
Тамъ листвы сплетенной сѣтки
Чуть трепещутъ. У воды
Опустили сонно вѣтки
Липъ душистые ряды.
Чуть бѣлѣетъ стволъ березы,
Небо въ бѣлыхъ облакахъ,

Пляшутъ легкія стрекозы
На травѣ и на цвѣтахъ.
Нѣжно вѣется повилика,
Чуть поднявшись надъ землей,
И въ оврагѣ земляника
Ярко рдѣетъ межъ травой.
Солнце яркими лучами
Золотитъ лазурь небесъ
И едва шумитъ верхами
Ароматный, старый лѣсъ.

Е. Селунская.

БѢЛАЯ РОЗА.

(Сказка).

Давно-давно, когда еще люди вѣрили въ фей и волшебниковъ, жили-были на свѣтѣ принцъ и принцесса.

Они обитали въ роскошномъ замкѣ, старались оказывать добро своимъ подданнымъ и тѣ ихъ обожали; они жили въ добромъ мирѣ съ сосѣдними королями и тѣмъ не менѣе надъ этимъ замкомъ и его обитателями нависло мрачное облако: у принца и принцессы не было дѣтей. Они горевали, чувствовали себя одинокими и ничто ихъ не веселило.

Однажды принцъ долженъ былъ отправиться на войну, чтобы засту-

питься за своего обиженнаго сосѣда. Съ его отъѣздомъ вся его страна пришла въ уныніе, а принцесса не могла утѣшиться отъ печали. Теперь уѣхалъ принцъ, ея мужъ, и она осталась совершенно одна.

Проводивъ его, она долго не выходила изъ замка. Прошло затѣмъ нѣсколько недѣль, а онъ все еще не возвращался и, потерявъ терпѣніе, полная безпокойныхъ думъ, она вышла наконецъ въ садъ.

Была весна, на ласковомъ небѣ не было ни одного облачка, птицы распѣвали свои пѣсни, цвѣты пестрѣли яркими красками подъ свѣт-

лыми лучами солнца. Все радовалось, улыбалось, одна только принцесса горько плакала. Она думала объ уѣхавшемъ принцѣ и ей казалось, что больше она уже не увидитъ его никогда.

Занятая своими мыслями, она все шла и шла. Садъ и замокъ уже давно остались позади нея, передъ нею разстилались поля, виднѣлись лѣса, но она этого не замѣчала и вдругъ, когда пришла въ себя, то спускался уже вечеръ. Красное солнце садилось за облако и окрашивало его въ огненно-золотистый цвѣтъ; птички укладывались уже спать и пѣли свою послѣднюю пѣсню; цвѣты закрыли свои чашечки, опустили головки и спрятались въ травѣ.

Принцесса съ безпокойствомъ оглянулась по сторонамъ. Куда она зашла? Какъ теперь ей возвратиться обратно въ замокъ? Она долго стояла, не зная, что предпринять, и вдругъ неожиданно услышала около себя крикъ барашка.

Она нагнулась надъ травой и увидела въ ней ягненокъ, бѣленькаго, пушистаго, смотрѣвшаго на нее ласковыми, довѣрчивыми глазами. Онъ бѣжалъ за ней слѣдомъ и кричалъ:

— Не бойся, добрая принцесса, сказалъ онъ ей.— Ты здѣсь въ полной безопасности. Это—царство моей повелительницы феи Мечты. Она послала меня сказать тебѣ, что счастлива видѣть тебя у себя и предложить тебѣ свое гостеприимство.

Прійдя въ себя отъ испуга и удивленія, такъ какъ принцесса никогда еще не слыхала, чтобы барашки разговаривали человѣчимъ языкомъ, она поблагодарила его за приглашеніе и поспѣшила воспользоваться гостеприимствомъ феи Мечты.

Тогда барашекъ стукнулъ три раза о землю своимъ золотымъ копытцемъ, земля разступилась и, къ удивленію принцессы, изъ нея выѣхалъ роскошный экипажъ. Онъ весь былъ обтянутъ шелковой матеріей и усыпанъ душистыми цвѣтами. Принцесса взошла на него и онъ помчался съ невѣроятной быстротой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился около великолѣпнаго дворца, сдѣланнаго изъ драгоценныхъ камней.

На порогѣ, окруженная блестящими лучами какого-то таинственнаго свѣта, стояла фея Мечта. Она была такъ прекрасна, что безъ очарованія нельзя было на нее смотрѣть. Но что еще больше привлекало ее къ себѣ, такъ это ея безграничная доброта, которой свѣтились ея прекрасные глаза. Кромѣ того, она обладала рѣдкимъ даромъ утѣшать неутѣшнаго и помогать тому, кто былъ несчастливъ и одинокъ.

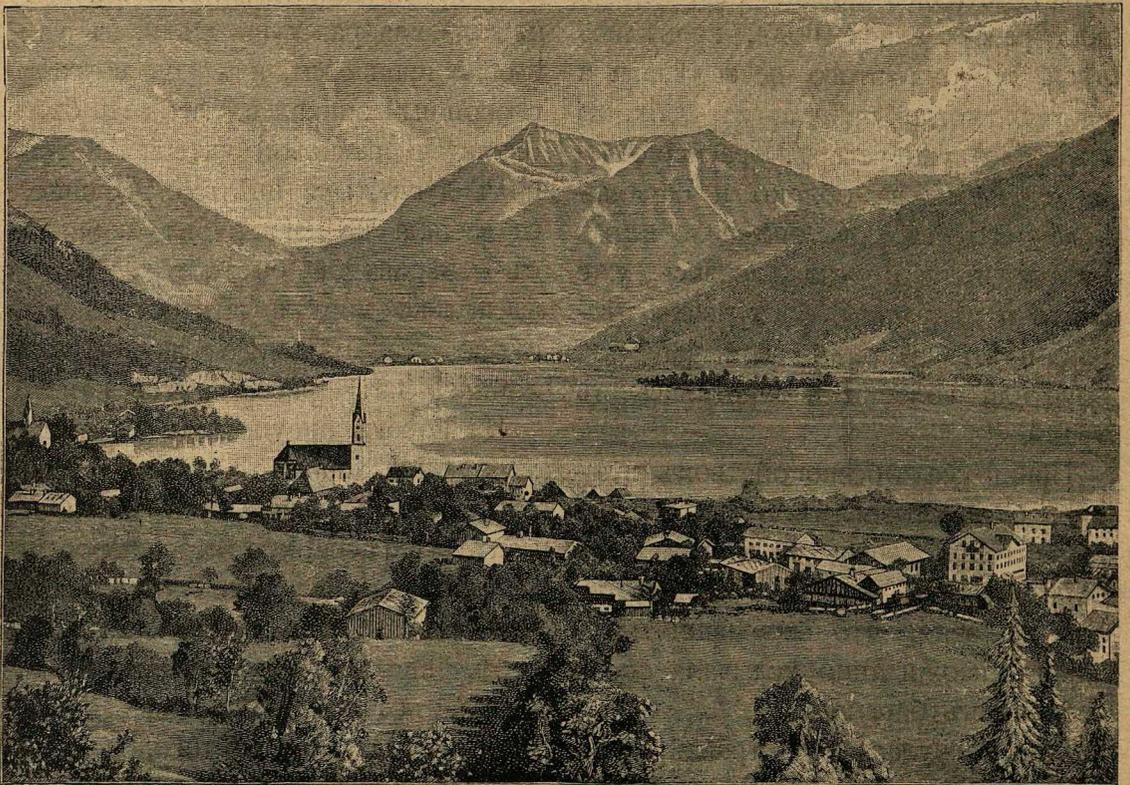
Принцесса съ перваго-же взгляда почувствовала къ ней привязанность. Она даже и не рассчитывала на этотъ сердечный, полный участія, пріемъ, который оказала ей фея Мечта.

Такъ какъ въ царствѣ фей всѣ добры и не причиняютъ другъ другу вреда, то никто тамъ не знаетъ ни

о преступникахъ, ни о ворахъ. А потому и во дворцѣ феи Мечты всѣ двери и окна были открыты настежъ и даже не имѣли замковъ и задвижекъ. Лѣстницъ тоже не существовало. Чтобы подняться съ одного этажа въ другой, пользовались крылышками бабочекъ, которыя

ныхъ мукъ, принцесса заснула сладкимъ и глубокимъ сномъ подъ очаровательные звуки музыки, которую играли около нея маленькія феи.

Было еще очень рано, пѣтухъ едва пропѣлъ свою утреннюю пѣснь и ласковый лучъ солнца только что заглянулъ въ комнату принцессы, какъ

Въ Швейцаріи.

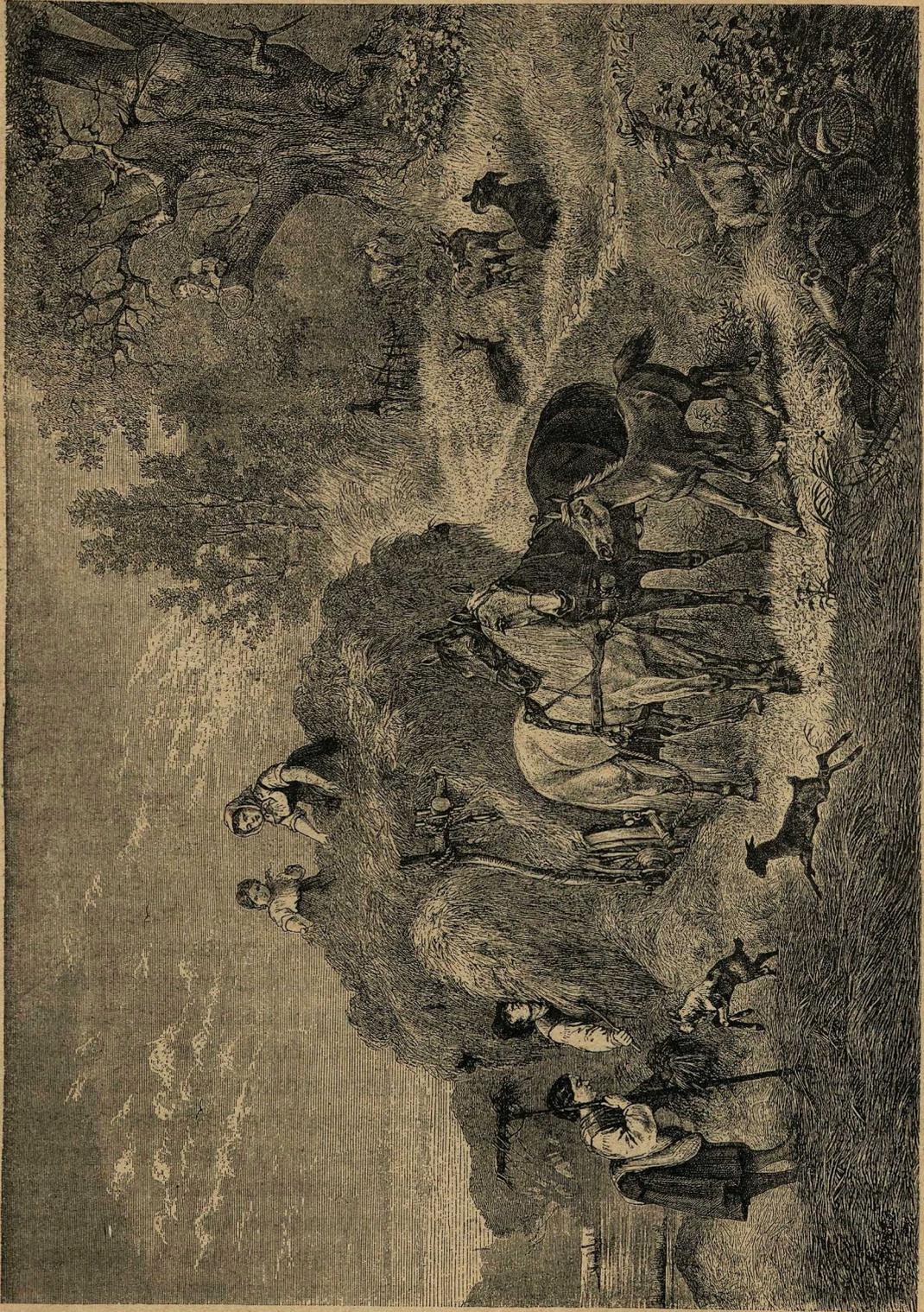
съ готовностью переносили на себѣ всякаго, кто пожелалъ-бы подняться кверху или спуститься внизъ. Такимъ именно образомъ и принцесса попала въ ту комнату, которая была ей отведена.

Улегшись на гамакѣ, сплетенномъ изъ золотыхъ веревочекъ, усталая отъ долгой ходьбы и отъ душев-

она уже пробудилась и полуоткрыла глаза.

Около нея стояла фея Мечта и чей-то голосъ говорилъ:

— Милая принцесса! Ни одно человеческое существо не проникало еще ни разу въ наше царство сказочныхъ фей. Ты—первая. За то, что ты добра и одинока, фея Мечта

Уборка сѣна.

захотѣла сдѣлать для тебя исключеніе и вотъ, чтобы ты не забывала о ней и сохраняла объ ея царствѣ пріятныя воспоминанія, она посылаетъ тебѣ эту бѣлую розу, сорванную ею самою съ самаго лучшаго ея куста, и велитъ сказать тебѣ, что въ свое время она можетъ оказать тебѣ услугу и пригодиться.

И принцесса пробудилась. Она была въ саду одна, лежала на травѣ, невдалекѣ отъ нея находился ея замокъ и около нея стояли ея придворныя дамы, боясь ее разбудить и нарушить ея сонъ. Она вспомнила тогда, что, гуляя по саду, она въ тоскѣ бросилась на траву, долго плакала на ней и, вѣроятно, заснула. И все то, что случилось съ ней, она видѣла только во снѣ. Значитъ, все это была мечта... Но кое-что и дѣйствительное было около нея: тутъ же, на травѣ, около нея лежала бѣлая роза, которую ей подарили въ царствѣ фей и отъ этой розы шло такое благоуханіе, какое было еще неизвѣстно на землѣ...

Прошелъ цѣлый рядъ недѣль, наступилъ августъ. Солнце яркими лучами золотило спѣлые колосья, которые медленно волновались отъ набѣгавшаго вѣтерка. Стрекозы летали надъ водой и зеленые кузнечики боязливо покрикивали въ травѣ. Малявки распѣвали во всѣ голоса.

— Біанка, обратилась принцесса къ одной изъ своихъ вѣрныхъ слугъ. — Ты видишь этотъ вихрь пыли? Онъ кружится такъ, точно

поднялся сильный вѣтеръ, а между тѣмъ посмотри на деревья: на нихъ не шелохнется ни одинъ листъ. Прислушайся хорошенько: не кажется ли тебѣ, что раздаются звонъ оружія и стукъ лошадиныхъ копытъ?.. Да, я не обманываюсь! Это возвращается мой мужъ-принцъ. Я узнаю его изящную фигуру издали и его манеру держаться на лошади.

И вскорѣ всѣ узнали, что принцъ счастливо возвратился съ похода и толпами повалили въ замокъ, чтобы принять участіе въ празднествахъ, которыя онъ далъ въ честь своего возвращенія домой. И не было равныхъ этимъ празднествамъ и всѣ очень веселились, потому что горячо любили своего принца.

А когда принцъ и принцесса остались наконецъ вдвоемъ, то она рассказала ему о своемъ путешествіи въ царство фей. Принцъ съ большимъ интересомъ выслушалъ ее, сказалъ ей, что все это былъ сонъ, и попросилъ ее показать ему ту розу, которую подарила ей фея Мечта.

Принцесса открыла дорогій сундукъ и достала оттуда бѣлую розу. Принцъ удивился, тѣмъ болѣе, что роза эта была такъ-же свѣжа и такъ-же ароматична, какъ и въ тотъ день, когда была сорвана нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ съ куста. Они оба склонились надъ ней и стали разглядывать ее со всѣхъ сторонъ, какъ вдругъ, къ ихъ удивленію, роза зашевелила лепестками.

Заинтересованные этимъ, они еще

ближе нагнулись къ ней и стали смотрѣть, что будетъ дальше. И вдругъ серединка розы раскрылась и они увидали въ ней маленькую, хорошенькую дѣвочку, которая протягивала къ нимъ ручки и говорила:

— Мама! Папа!

Принцъ и принцесса отъ радости не знали, что имъ дѣлать. Они смотрѣли то на маленькую дѣвочку, то другъ на друга и залились счастливымъ смѣхомъ. Теперь у нихъ была дочь!

Они назвали ее Бѣлой-Розой и стали ее воспитывать. Она росла не по днямъ, а по часамъ, была прекрасна, какъ майское утро, и умна, какъ взрослая. Но у нея не было крестной матери. Для нея, такой удивительной дѣвочки, родители не могли найти достойной крестной матери и такъ и рѣшили обойтись безъ нея.

Но въ тотъ самый моментъ, какъ они въ послѣдній разъ обсуждали, кого пригласить, вдругъ неожиданно раздался сильный, нетерпѣливый стукъ въ дверь. Вслѣдъ за этимъ стукомъ, раздались затѣмъ два едва слышные маленькіе удара: тукъ-тукъ.

И точно подѣйствіемъ какой-то таинственной силы, громадная дверь вдругъ широко распахнулась и въ ней показались двѣ дамы. Впереди нихъ бѣжалъ бѣленькій барашекъ.

Узнавши его, принцесса бросилась къ нему, чтобы его приласкать. Онъ принялъ отъ нея ласку и затѣмъ сказалъ:

— Принцъ и принцесса, моя повелительница фея Мечта приказала мнѣ

представить вамъ двухъ этихъ дѣвушекъ. Одна изъ нихъ должна быть крестной матерью Бѣлой-Розы. Отъ вашего выбора будетъ зависѣть дальнѣйшее счастье вашего ребенка, потому что одна изъ нихъ добрая, а другая злая.

Принцъ и принцесса поглядѣли на прибывшихъ. Одна изъ дѣвушекъ, та самая, которая стучалась въ дверь первая, была прекрасна, но ея красота была нѣсколько сурова. Ей можно было удивляться, но любить ее было нельзя. Она держала себя гордо и свысока. Другая же, наоборотъ, была не такъ хороша собой, но она привлекала къ себѣ своими ласковостью и добротой. Она была просто и небогато одѣта въ совершенно бѣлое платье, перевязанное у пояса гирляндой изъ душистыхъ фіалокъ. Такія-же фіалки были заплетены и въ свѣтлые волосы этой дѣвушки.

Поглядѣвъ на обѣихъ этихъ дѣвушекъ, принцъ и принцесса переглянулись: они смутились и не знали, кого имъ выбрать. Принцесса, умѣвшая угадывать людей лучше, чѣмъ принцъ, была тронута видомъ скромной дѣвушки болѣе, чѣмъ горделивой. Принцу-же, наоборотъ, казалось, что горделивая дѣвушка была болѣе знатной и богатой и потому наиболѣе подходящей въ крестныя матери для Бѣлой-Розы. Принцесса замѣтила это и шепнула на ухо мужу:

— Выберемъ эту скромную дѣвушку въ бѣломъ! Развѣ ты не видишь,

какими нѣжными глазами она смотритъ на нашу дочь? Посмотри, какъ она мила и проста. А эта пышная дама, кажется, больше всего занята самой собою и своимъ роскошнымъ костюмомъ, чѣмъ нашей Бѣлой-Розой. Нѣтъ, она горда и несимпатична!

— За то она богата и владѣтельница, такъ-же шепотомъ отвѣтилъ ей принцъ. Она будетъ осыпать нашу дочь роскошными подарками. Предоставь сдѣлать выборъ мнѣ. Ты, какъ женщина,—всегда на сторонѣ слабыхъ и забитыхъ, я-же—наоборотъ: желаю своей дочери только добра. Пусть она будетъ богата и съ помощью своей крестной матери будетъ имѣть въ жизни успѣхъ!

— Напрасно... покачала головой принцесса.—Было-бы лучше, если-бы наша дочь была только добра. На что ей ея будущія богатства, если у нея не будетъ хорошей, отзывчивой души? Вѣдь наше счастье въ тѣхъ, кто пользуется нашей любовью. Развѣ наши подданные любили-бы насъ, если-бы мы не старались скрасить ихъ жизнь?

Быть можетъ, принцъ и согласился-бы со своей женой и поступилъ-бы именно такъ, какъ говорила она, но въ эту минуту знатная дѣвушка потеряла терпѣніе и обидчиво сказала:

— Я не привыкла долго ждать. За исключеніемъ двухъ-трехъ глупцовъ, всѣ люди съ радостью принимали меня въ крестныя матери для своихъ дѣтей и прогоняли отъ себя эту дурнушку, которая стоитъ сейчасъ

рядомъ со мной и не смѣетъ поднять своихъ глазъ. Кромѣ того, я не всегда прощаю людямъ нанесенныхъ мнѣ обидъ.

— Сударыня, успѣшилъ отвѣтить ей принцъ, которому уже стало казаться, что онъ поступилъ неделикатно по отношенію къ этой дамѣ, заставивъ ее такъ долго ждать.—Я вполне понимаю васъ и очень высоко чту ту честь, которую вы оказываете намъ... Съ глубокой благодарностью я приглашаю васъ быть крестной матерью у моей дочери Бѣлой-Розы.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только удалиться, проговорила скромная дѣвушка и слезы засвѣтились у нея на глазахъ.—Я не дала-бы вашей дочери богатствъ, но зато научила-бы ее любить другихъ. Въ воспоминаніе о себѣ я дарю ей вотъ эту скромную фіалку. Пусть она хранитъ этотъ цвѣтокъ и, если я когда-нибудь понадобится ей, то пусть она вдохнетъ въ себя ея ароматъ и позоветъ меня къ себѣ; я тотчасъ-же явлюсь къ ней и постараюсь ей помочь.

И сказавъ эти слова, дѣвушка повернулась и направилась къ двери.

— Какъ васъ зовутъ? остановила ее принцесса.

— Зовите меня «Скромность» отвѣтила дѣвушка и вышла изъ комнаты.

Принцесса поглядѣла ей вслѣдъ и ей жалко было, что она отъ нихъ ушла.

— А позвольте узнать ваше имя? обратился къ пышной дѣвушкѣ принцъ.

— Мое имя—«Гордость», отвѣтила она и высокомернымъ взглядомъ измѣрила принца и принцессу.

На груди у нея былъ приколотъ георгинъ. Она сняла его съ себя и протянула его къ Бѣлой-Розѣ.

— Вотъ тебѣ и отъ меня цвѣтокъ въ подарокъ! сказала она.

Роскошный георгинъ лежалъ рядомъ со скромной фіалкой. Онъ былъ красивъ и цвѣтистъ, но вся комната наполнилась благоуханіемъ, которое издавала изъ себя фіалка.

И стала «Гордость» крестной матерью Бѣлой-Розы.

Прошло пять лѣтъ. Изъ Бѣлой-Розы выросла очаровательная дѣвочка съ свѣтлокудрыми волосами и блѣдно-розовыми щечками. Она бѣгала по саду и по замку и рѣзвилась, какъ бабочка. Всѣ любили ее, но она этого не понимала, и часто слышался ея капризный голосокъ:

— Какъ вы смѣете не слушаться меня? Такъ знайте-же, что мой папа надъ вами властелинъ и можетъ всѣхъ васъ казнить или отправить въ ссылку! Если вы не будете дѣлать чего я хочу, то я скажу ему и онъ прикажетъ своимъ солдатамъ наказать васъ!

Такъ говорила маленькая дѣвочка пяти лѣтъ и всѣмъ было странно это слушать.

Она играла со своими сверстниками, требовала отъ нихъ безусловнаго повиновенія и обращалась съ ними заносчиво и жестоко. Съ утра и до вечера они должны были быть

ея рабами и наконецъ это возмутило даже ихъ, незлобивыхъ дѣтей.

— Послушай, Бѣлая-Роза, сказалъ ей однажды старшій изъ нихъ.— Твой папа добрый и справедливый человекъ, у него есть солдаты, но онъ никогда не посылаетъ ихъ, чтобы мстить за твои капризы. Они ему нужны для войны. Все время ты командуешь нами, теперь хотимъ покомандовать и мы!

— Да, отвѣтили всѣ дѣти хоромъ. Будемъ играть такъ, какъ хотимъ мы, а не ты!

— Я хочу играть въ лошадки, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ,—и буду кучеромъ!

— А я въ школу, отвѣтила дѣвочка,—и желаю быть начальницей!

— А я въ войну и желаю быть главнокомандующимъ!

— А я въ прятки и хочу прятаться, а не искать! А то всѣ эти дни я только ищу и ищу, а прячутся только другіе.

Бѣлая-Роза посмотрѣла на нихъ и только нахмурила брови.

— Замолчать! крикнула она на нихъ. Я ваша госпожа и что захочу, то всѣ вы и обязаны дѣлать!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтили дѣти.— Ты—злая, нехорошая, и мы не желаемъ съ тобой играть! Играй одна, а мы уйдемъ!

— Уходите! отвѣтила она.

И они дѣйствительно стали расходиться. Понявъ, что они дѣлаютъ это серьезно, а не для того только, чтобы запугать ее, она позвала ихъ

назадъ. Но дѣти уже вели между собою переговоры о новой, общей игрѣ, гдѣ всѣ будутъ равны, и не обративъ даже ни малѣйшаго вниманія на ея приглашеніе, вышли изъ сада.

— Очень они мнѣ нужны! съ гордостью сказала имъ вслѣдъ Бѣлая-Роза.—У меня и безъ нихъ есть чѣмъ заняться. Мало-ли у меня куколъ и интересныхъ книгъ!

Но куклы умѣли говорить только «папа и мама» и открывать и закрывать глаза, а свои интересныя книги она знала уже почти наизусть и всѣ картинки въ нихъ ей уже порядкомъ надоѣли.

И Бѣлая-Роза заскучала, заскучала такъ, что готова была умереть. Вся въ слезахъ она обратилась къ своей матери.

— Что съ тобой, моя милая крошечка? обратилась къ ней добрая принцесса и стала ее обнимать.

— Мнѣ скучно одной! отвѣтила ей Бѣлая-Роза.

— Но вѣдь ты сама-же разогнала дѣтей! Ты не желаешь признавать въ нихъ людей и требуешь, чтобы они повиновались тебѣ, какъ рабы, и исполняли всѣ твои капризы. А что если бы кто-нибудь такъ-же поступилъ и съ тобой? Что бы ты тогда сказала? Ты гораздо выше ихъ и по положенію, и по богатству; какъ-же ты смѣла такъ ихъ унижать? Ты пользуешься тѣмъ, что они не могутъ тебѣ возразить? Это нехорошо. Наоборотъ, то, что ты наша дочь, обязываетъ

тебя быть доброй и ласковой со всѣми. Приучайся-же къ этому теперь.

Бѣлая-Роза хотѣла-было возражать, но ея мать настолько ясно и просто изложила передъ ней всю ошибочность ея поведенія, что она кончила тѣмъ, что признала наконецъ себя виновной, и обѣщала матери впредь такъ не поступать и извиниться предъ своими сверстниками.

Тѣмъ не менѣе рѣзкія выходки Бѣлой-Розы и проявленія ея властнаго характера очень обезпокоили ея мать и отца. Они знали, что по природѣ она была доброй и мягкой дѣвочкой, но кто-то привилъ къ ней безмѣрную гордость, которая увеличивалась въ ней съ каждымъ днемъ, и въ ея чуткой, нѣжной душѣ посѣялъ плевелы самонадѣянности и презрительнаго отношенія къ ближнимъ. Она считала для себя унижительнымъ сознавать свои дурныя поступки, была убѣждена, что она красивѣе, умнѣе и понятливѣе всѣхъ; она презрительно относилась къ окружавшимъ и каждому старалась показать, что она дочь принца, и слѣдовательно выше всѣхъ остальныхъ. Все это, конечно, возбуждало противъ нея другихъ и въ результатѣ получилось то, что всѣ стали ее избѣгать и всякій разъ, какъ рѣчь заходила о ней, отворачивались и закусывали себѣ губы, чтобы не сказать о ней дурного.

Roussant. «Rose Blanche».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Отъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которою начинается извѣстное стихотвореніе Жуковскаго:

1. Сколько разъ два содержится въ четырехъ?

2. Мы ѣхали далеко въ крещенскій морозъ и очень озябли.

3. Въ весенній вечерокъ пріятно пройтись по дорогѣ и слушать далекое пѣнье соловья.

4. На Пасху деревенскія дѣвушки обыкновенно водятъ хороводъ.

5. Древніе предсказатели гадали на внутренностяхъ животныхъ и объясняли по нимъ судьбу человѣка.

6. Мы вышли за ворота, чтобы встрѣтить гостей.

7. Сандрильона потеряла свой башмачекъ.

8. Снявъ съ себя шубу, онъ повѣсилъ ее на гвоздь.

9. Ты всталъ съ лѣвой ноги.

10. Волны бросали корабль, какъ щепку.

II.

Фраза состоитъ изъ двухъ словъ и изъ тринадцати буквъ: 1. 2. 3. 4.

5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 5, 10, 11, 12, 7 означаютъ плодъ съ косточкой, 8, 7, 10, 7, 9, 13—огородный овощъ, 10, 11, 5, 9, 13—часть растенія, 6, 7, 5, 13—часть времени, 5, 2, 3, 4, 1, 7—то, что каждому на роду написано, 7, 9, 10, 7, 5, 13—шелковую матерію, 3, 2, 1, 13—дерево, 2, 3, 7, 12, 13—змѣю, 9, 2, 6, 7—то, что мы видимъ во время дождя, 6, 2, 12, 8, 9, 12, 7—то, чѣмъ мы постигаемъ все существующее на свѣтѣ.

Какія это слова и какая это фраза?

III.

Названія какихъ металловъ находятся въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Смотрите: все ребро мамонта покрыто землею!

2. Вотъ тебѣ деньги; остальные получишь завтра.

3. Уплати нашему сторожу жалованіе а мы тебѣ послѣ отдадимъ.

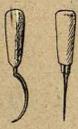
4. У кита во рту тьма длинныхъ пластинокъ, которыя мы называемъ китовымъ усомъ.

5. Камышь растетъ около воды.

6. Левъ сегодня золъ; отойди отъ него, а то онъ тебя искушаетъ.

РЕБУСЪ № 11.

НА

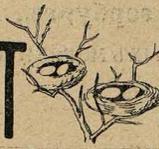

С

СВ

ЮТ

ПОДЪ

Годъ изданія четвертый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Романы, повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга „Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ (12 печатныхъ листовъ). Въ отдѣльной продажѣ эта книга будетъ стоить 1 р. 50 к.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

Годъ изданія третій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложеніа (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Н. П. Карбасникова (Гостин. Дворъ) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостин. Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

на 1911 годъ.

Подписной годъ съ **НОЯБРЯ.**